

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1804—1833

Федеральная программа книгоиздания России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16145

Жуковский В. А.

Ж 86

Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Вётшева, Э. М. Жилиякова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804—1833 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.

ISBN 5-94457-150-0

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 13 и 14-м томах собрана дневниковая проза Жуковского, включающая три взаимосвязанных раздела: собственно дневники, письма-дневники и записные книжки. 13-й том содержит дневниковые материалы 1804—1833 гг., от первых дошедших до нас размышлений юного поэта, ориентированных на тип «франклинова журнала», записной книжки «Разные замечания», писем-дневников, обращенных к Маше Протасовой, материалов первого заграничного путешествия 1820—1821 гг. до описания второго заграничного путешествия 1832—1833 гг.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-150-0

9 785944 571502 >

© О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич.
Редакция тома 13, 2003

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

А. и Б.¹

30-е июля. А. Нынешний день я провел весьма неприятно. Был недоволен собою, беспокоен, лишен бодрости.

Б. Отчего?

А. Не знаю, однако должна быть причина.

Б. Разумеется! Если не видимая, то по крайней мере скрытая. Может быть, опытный глаз мог бы открыть ее и подать тебе помощь; но ты этого сделать не можешь, потому что не привык к размышлению. Расскажи мне порядок своего дня; может быть, сколько-нибудь объяснится причина твоего неудовольствия на самого себя.

А. Я встал позже обыкновенного, в исходе седьмого (нарушение порядка — первое впечатление, и конечно неприятное, при самом начале дня; однако, мне кажется, оно не имело заметного впечатления на мое расположение). До десяти часов я пробыл с моими, пил кофе, говорил о постороннем, неинтересном; А.² просила меня, во время ее отсутствия, брать с почты письма на ее имя от В... М...³ Я отказался, опасаясь возбудить подозрение самым старанием не возбудить его. Это однако ж имело больше неприятное на меня влияние: мне было несколько тяжело не сделать удовольствия, хотя А. сама согласилась на мои причины. Я не переводил, как обыкновенно; читал Сен-Ламберта⁴; голова моя была несколько тяжела, я многое понимал с трудом, другого не понимал совсем; был невнимателен и досадовал на самого себя за это невнимание, почитал себя не способным ни к какому вниманию, и чтение мое от этого становилось час от часу неприятнее. Потом сделал свой экстракт⁵. Во время чтения завтракал; не знаю, не переменило ли это несколько моего расположения; говорят, будто голова не так может действовать во время пищеварения... После обеда тотчас взялся за книгу, не читал, а перебирал листы в Сен-Ламберте, в Томпсоне⁶, в Геснере⁷, в Гервее⁸, в Блумфильде⁹; потом, отбросив эти книги, взял в руки Делиев перевод «Энеиды»¹⁰, прочел шестую песнь, без внимания, без приятности. Пришла матушка¹¹, говорила о строении¹², делала расчеты не весьма нужные и давно ею сделанные. Во время чтения я имел глупость обременить свой желудок недоспелыми яблоками, потом дынею, что произвело резь в животе. Немного спустя, постучав несколько времени машинально на фортепианах, я сел переводить; перевел три страницы из Дюкло¹³, и не совсем дурно. Кончив перевод, пошел гулять уже с другим приятнейшим расположением; вечер сумрачный, однако не ненастный, приятно на меня действовал, голова моя была несколько свежее и способнее к размышлениям.

Б. И ты не видишь причины своего неудовольствия на самого себя? Она однако ж не совсем закрыта. Ты встал не в обыкновенное время. Ты говорил

в то время, когда был с *своими*, о постор(онних) неинтер(есных) вещах. Это, конечно, мало значит, но душа, будучи часто в таких недейтельных состояниях, в каком твоя была в это время, нечувствительно от них грубеет. Мне кажется, можно бы было из всякой минуты выводить пользу, и ты мог находить больше приятности в сих разговорах, если бы захотел принудить себя ко вниманию и деятельности; но ты ленив и многое упускаешь от не-
радения.

А. Как же приучить себя к деятельности? Как сделаться неленивым?

Б. Об этом будем иметь особенный разговор. Кончим рассматривание дня твоего. Отказ, сделанный тобою А., хотя имеет основ(ательные) причины, однако оставил нечто неприятное в твоих мыслях. Ты сперва было согласился, но после отказал, не сделав никакого предварительного рассуждения. Ты не умеешь еще рассуждать, не наблюдаешь постепенность в своих мыслях, не знаешь выводить порядочные заключения. Привычка этому научит, но должно хватать время, или опоздаешь. Нынешний твой отказ не есть следствие рассуждения. Ты сперва решился и потом начал думать, для чего: итак не можешь назвать своего поступка благоразумным, потому что он не есть следствие благоразумия. Отчего ты читал без приятности? От невнимания и от напряжения понять читаемое, не обратив на него всего внимания. Сия неудача тебя огорчала, ты почитал себя непонятным совершенно, и ошибался; ты был только в эту минуту непонятен, потому что не имел внимания и не был расположен ко вниманию: следственно, все неприятные чувства твои произошли от неудачи. Итак, чтоб быть веселым, надобно заниматься, но, чтобы занятие было удачно, должно, чтобы оно было непринужденно; для этого надобно каждое занятие согласовать со временем и расположением, не давая однако ж себе слишком воли. Например, лень надобно превозмогать. Лень сама по себе тяжела и неприятна; желал бы ничего не делать, но мысль, что пренебрегаешь свою должность, мучит тебя; то ли дело, когда получишь право сказать самому себе: теперь могу успокоиться.

А. Итак, мне надобно знать, что в какое время и в каком положении делать. Если я несколько рассеян — читать книги, просто занимательные, романы, мелких поэтов и тому подобное, или рисовать, или заниматься какою-нибудь машиною работою; а в хорошем расположении приняться за что-нибудь важнейшее. Лучше всего каждое утро, рассмотрев себя, положить, что делать в тот день, чтобы не потерять его. Надобно наблюдать однако ж, чтобы обыкновенная работа была всегда сделана, от этого зависит расположение приятное или неприятное остатка дня. Всегда надобно помнить, что я занимаюсь для пользы и для приятности, а не поневоле.

Б. Твое принужденное чтение имело неприятное влияние на весь почти остаток дня. В этом положении ты хотел разбирать себя и видел в себе всё с дурной стороны, не замечая, что в эту минуту глаз твой был неверен. Надобно быть совершенно хладнокровным, чтобы судить о чем-нибудь без предубеждения в дурную или хорошую сторону. Суждение твое о самом себе

в такие мрачные минуты не должно быть для тебя огорчительным: ты не можешь себе верить, ибо ты несправедлив или неспособен быть справедливым. Когда будешь спокоен, беззаботен и несколько приучишься мыслить, разбери себя; этот разбор необходим для предохранения твоего от многих ошибок в жизни. Но теперь не время, ибо ты еще ленив мыслить и не знаешь методы размышления.

А. Как же научить себя мыслить?

Б. Я думаю, чтением и старанием не упускать ни одного способного случая к размышлению. Ты должен победить для этого свою лень, которая мешает тебе и мыслить, и делать. Она, может быть, есть один из главных пороков твоего характера. Она не допустит тебя до дурного, но также и до хорошего, которое требует деятельности. Лень есть привычка души к бездействию. Как же ее уничтожить? Приучить душу действовать, как можно чаще, не откладывая. Приучаясь к одному, она отвыкнет от другого. Это будет великим шагом; сперва покажется трудным, мало-помалу облегчится; сперва будешь чувствовать одну неприятность, потом меньше, меньше, и, наконец, все неприятности исчезнут — останется деятельность. Только не теряй бодрости, и всё далее.

5-е августа. **А.** Может быть, в декабре поеду в Петербург с И. П. Тургеневым¹⁴. Это путешествие приятно, потому что оно доставит мне случай много видеть такого, о чем не имею еще идеи; может быть, узнаю несколько больше общество; не безделица видеть один из лучших театров, слышать прекрасных певиц и певцов, посещать кабинеты картин, статуй и прочее; одним словом, съездив в Петербург, запасусь, может быть, многими идеями для своего уединения.

Б. Но, чтобы с пользою съездить в Петербург, надобно быть для него готовым. Чтобы видеть с прямым удовольствием кабинеты скульптуры и живописи, надобно знать что-нибудь о том и о другом, надобно иметь понятие о российской истории, уметь судить о театре. Теперь ты ничего этого не имеешь. Как же себе поможешь?

А. Если не могу получить *всей* пользы, то по крайней мере получу одну *часть* ее: могу читать историю на месте, она больше впечатлется в моей памяти. Читая трактаты о живописи, скульптуре и драматическом искусстве, буду иметь случай поверять мысли, почерпнутые мною из книг, впечатлениями, которые буду иметь в кабинетах и театре. И этой выгоды довольно.

Б. Хорошо. Но что ты сделаешь, если представится тебе случай войти выгодно в службу?

А. Об этом надобно подумать хорошенько. Надобно решиться; сделать план своей жизни, план верный и постоянный.

Б. Спроси у самого себя, чего ты желаешь в жизни, чего будешь искать и что найти способен. Может быть, это всегдашнее беспокойство, которое тебя волнует, есть следствие твоей нерешимости: ты еще не знаешь, чего желать и к чему стремиться, идешь не по дороге, потому что еще не видишь дороги. Первое — что ты разумеешь под словом: служить?

А. Разумею действовать для пользы отечества и своей собственной, так чтобы последняя была не противна первой.

Б. Хорошо; но степени пользы, которую можешь делать служа, не одинаковы. Ты должен быть долго орудием, исполнителем чужой воли, чтобы получить наконец свою волю действовать. Есть места такие, в которых ты можешь совсем не действовать или, что всё равно, действовать бесполезным образом. Сии места могут быть предметом твоих желаний разве только потому, что служат лестницею к высшим и полезнейшим; но, чтобы возвыситься, ты должен иметь покровителей или найти их, чего совсем не умеешь сделать: для сего нужны гибкость, проворство, ум, осторожность, прилежность, или необыкновенные, заметные достоинства. Все это не твое дело! К тому ж, если счастье тебе и послужит, то на что тебе важное достоинство? Ты возьмешь на себя такую обязанность, которой, конечно, не будешь уметь исполнить, не имея способностей публичного человека, способностей действовать на общество, быть полезным в большом круге своею деятельностью, своими обширными видами, способностию обнимать множество частных польз вместе и составлять из них общую пользу. Польза есть цель службы; кто не способен к ней достигнуть, тот не служи и выбери для себя круг теснейший, цель ближайшую и вернейшую. Служить для чина хорошо тому, кто видит в чине усовершенствование собственного бытия своего, кто без наружного величия мал и низок, кто должен быть чем-нибудь перед людьми, потому что ничто перед собою. Большой чин связан с большими обязанностями: ты не можешь исполнять их в совершенстве. Искать малого чина есть труд совершенно бесполезный. Служить для собственной выгоды есть отделять ее от общей, думать о корысти, а не о чести; к тому ж и для одной собственной выгоды надобно иметь чин важный, место такое, с которым бы соединялось великое влияние на общество.

ЖУРНАЛ

1805

13-го июня¹. § 1. Даже говоря правду, надобно быть несколько *скрытым*, то есть надобно правде, самой неприятной, давать такой образ, который бы не мог отвратить от нее *того человека, которому ее предлагаешь*. Иначе она несомненно потеряет свое действие и будет некоторым образом брошена на поругание. Говорить истину с *грубостью и жестокостью*, которыми хвалились стоики, есть некоторым образом непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользе, которую принести хочешь, и доказывающее один только эгоизм, сокрытый под маскою правдолюбия. Сверх того, никто не позволит себя учить: это противно самолюбию, следовательно бесполезно, потому что недействительно. Учи людей таким тоном, как будто бы от них сам желаешь научиться. Заставь их самих сказать то, что бы желал сказать им. *Говорить правду другу другое дело.*

§ 2. Главная обязанность человека есть быть честным. Счастье, наслаждения, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависят более от темперамента и обстоятельств; честность зависит от него самого.

§ 3. К началу генваря или марта 1806-го года я должен выплатить половину теперешнего своего долга и положить за правило более не делать долгу ни на полушку, не брать ни у кого денег, кроме тех, которые получу от Антонского для путешествия². Путешествовать 3 года, с половины 1806 до половины 1809-го года. Возвратясь, начать выдавать журнал; продолжать это издание четыре года, в которые выплатить весь свой долг. Потом приняться за какую-нибудь важную работу, такую, которая бы принесла пользу и сделала бы меня более известным в литературе. Если ж не поеду путешествовать, то к концу 1806-го года расквитаться со всем моим долгом; взять с начала 1807-го года издание журнала³; выдавать его четыре года, некоторую часть денег проживать, другую откладывать, а по окончании журнала, как сказано, приняться за что-нибудь важное и посвятить себя совершенно литературе. В продолжение четырех лет издания журнала могу скопить и отложить тысячи четыре (заплата и долг), которые с моим теперешним капиталом составят 11 тысяч; отдав их в Воспитательный дом, буду получать 500 рублей годового дохода, верного, чистого, к которому всякий год могу присоединять работою 500 рублей. Откладывая по тысяче на год, в десять лет могу иметь двадцатитысячный капитал, или верный доход по тысяче рублей на год.

Вот мой план; сбудется ли он, не знаю. С моей стороны я должен употребить для его исполнения прилежность, постоянное терпение, расчетливую бережливость и умеренность в образе жизни. Но в продолжение этого

времени может быть столько перемен! И каких перемен! Счастливых ли, несчастных ли? — как знать! Но я не требую слишком многого. Хочу спокойной, невинной жизни. Желаю не нуждаться. Желаю, чтобы я и матушка были не несчастны, имели всё нужное. Хочу иметь некоторые удовольствия, возможные всякому человеку, бедному и богатому, удовольствия от занятий, от умеренной, но постоянной деятельности, наконец от спокойной, порядочной семейственной жизни. Почему бы этому не исполниться? Проведя три года в путешествии, в свободе самой неограниченной, возвращусь домой, начну трудиться, трудом получать свое пропитание и вместе удовольствие; чтение, садоводство и — если бы дал Бог — общество верного друга или верной жены будут моим отдохновением. Иногда, в положенное время, буду ездить в Москву, если не переселюсь в нее совершенно, для свидания с знакомыми или для дел своих и проч. Избави меня, Боже, от больших несчастий, и я не буду искать большого счастья! Спокойная, невинная жизнь, занятия, для меня и для других полезные или приятные, дружба, искренняя привязанность к моим ближним друзьям и, наконец, если бы было можно, удовольствие некоторых умеренных благодетелей — вот все мои требования от Провидения!

§ 4. Каков я? Что во мне хорошего? Что худого? Что сделано обстоятельствами? Что природою? Что можно приобрести и как? Что должно исправить и как? Чего не можно ни приобрести, ни исправить (то есть, есть ли что во мне такое)? Какое счастье мне возможно по моему характеру? Вот вопросы, на решение которых должно употребить несколько (много) времени. Они будут решаемы мало-помалу, во всё продолжение моего журнала.

§ 5. *1 июля 1805, ввечеру.* Я нынче в каком-то приятно-унылом расположении. Не думая ни о чем, задумчив. Мне приятно было смотреть на отдаления, покрытые вечернею тенью. Эта неясность и отдаленность всегда имеет трогательное влияние на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвестную, но не совсем незнакомую. Какое-то тайное предчувствие говорит о ней и обнаруживает ее неясвенно за прозрачным занавесом¹. Ничего не может быть приятнее этих трогательных минут, когда сердце полно — чем? не знаешь! Всё тогда действует на тебя гораздо живее. Глядишь с чувством на небо; хотел бы всякую минуту броситься на колена! Любишь Бога, то есть сильно Его чувствуешь. В минуту счастья и внутреннего наслаждения, которое одно может назваться счастьем, находишь себя гораздо добрее, готовее на всё прекрасное и необыкновенное. Вспоминаешь о прошедшем с некоторою сладкою меланхолиєю. Жизнь представляется в самом привлекательном виде, потому что сильно ее чувствуешь; все почти предметы приятны, потому что наша чувствительность, в ту минуту слишком наполняющая сердце, на них изливается и украшает их в глазах наших. Всё изменяется вместе с нами: всё прекрасно, когда наша душа в своем натуральном расположении, довольна и спокойна; всё мрачно и неприятно, когда душа наша в волнении, в борьбе с собою, в неудовольствии. Счастье не иное что, как сие тихое, ясное состояние наше, продолженное на всю жизнь или по крайней мере на большую часть жизни. Итак, оно не

совершенно зависит от посторонних вещей, которые, однако, не могут не иметь на него влияние. Душа человеческая сперва образуется влиянием окружающих ее предметов, потом уже сама имеет на них влияние, то есть несколько времени бывает страдательною, потом делается действительною, получит постоянный, твердый образ. Но и в сем своем положении она остается в зависимости от внешнего, хотя имеет уже свою силу и волю. Здоровье тела, достаток или недостаток в необходимых потребностях и удовольствиях жизни, приятность или неприятность воздуха, обстоятельства попеременно делают на нее впечатления: от нее только зависит принимать их с большею или меньшею чувствительностью, или, справедливее сказать, исправлять сии впечатления.

§ 6. *Июля 4-го.* Вчера и нынче я думал о своем характере. Не знаю точно, как определить его. Я очень мало размышлял в связи, и думаю, что еще долго порядочно размышлять не буду. Без размышления себя не узнаешь; не познав себя, не исправишь своих недостатков. Буду замечать себя по частям, и потом из сих частных замечаний сделаю общее заключение.

§ 7. Без размышления, кажется мне, нельзя быть чувствительным. Что такое чувствительный человек, — я говорю не горячий, не вспыльчивый, что иногда есть не иное что, как эгоизм, который всё к себе относит и всем, только к нему близким, трогается? Такой человек, который в некоторых обстоятельствах и случаях очень быстро всё объемлет, в котором натуральное чувство служит вместо размышления, который видит результат вещи, не сделав по форме рассуждения. Быстрота, ясность ума, которых действие однако ж противно действию простого, методического размышления, живее, сильнее и прочнее. Впрочем, об этом надобно подумать хорошенько.

§ 8. *Июля 9-го.* Что со мною происходит? Грусть, волнение в душе, какое-то неизвестное чувство, какое-то неясное желание! Можно ли быть влюбленным в ребенка?⁵ Но в душе моей сделалась перемена в рассуждении ее! Третий день грустен, уныл. Отчего? Оттого, что она уехала! Ребенок! Но я себе ее представляю в будущем, в то время, когда возвращусь из путешествия, в большем совершенстве! Вижу ее не такую, какова она теперь, но такую, какова она будет тогда, и с некоторым нетерпением это себе представляю. Это чувство родилось вдруг, от чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я им наполнен, оно заставляет меня мечтать, воображать будущее с некоторым волнением; если оно усилится, то сделает меня лучшим, надежда или желание получить это счастье заставит меня думать о усовершенствовании своего характера; мысль о том, что меня ожидает дома, будет поддерживать и веселить меня во время моего путешествия. Я был бы с нею счастлив конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности. Но может ли это быть? К. А.⁶, если не ошибаюсь, дала мне что-то предчувствовать. Но родные? Может быть, они этому будут противиться? Кто ж родные? Один В.⁷ и одна М.⁸ Неужли для пустых причин и противоречий гордости К. А. жертвует моим и даже ее счастьем, потому что она конечно была

бы со мною счастлива: моя первейшая цель есть наслаждение семейственною жизнью; я бы нашел или стал бы искать средства ею наслаждаться; я бы не стал терять в суетных, ничтожных исканиях драгоценной жизни: литература была бы моим занятием, любовь жены и любовь к ней, самая нежная и спокойная, отдохновением; спокойствие и счастье окружающего меня счастьем, наградою. Родные меня конечно бы не отяготили; я бы стал жертвовать им малейшею частию своего времени, и то для рассеяния. Я бы был счастлив *дома*, с моею женою, с К. А., с моими ближайшими: тогда бы деятельность моя увеличилась, я имел бы тесные связи, я знал бы, что любим прямо и имею право на любовь сию, то есть могу считать ее не милостию, но ответом на мою любовь, последствием моей любви. Мне кажется, что я ревнив; это есть следствие подозрительности в характере, эгоизма, который всё к себе относит. Научившись любить жену для нее, не исключительно для себя, отучусь от ревности: любя жену, будешь любить и все ее удовольствия, следовательно не ограничишь ее одним беспрестанным к себе вниманием, дашь ей свободу, видя, что всегда и всему предпочтен ею. Всё, что на минуту отвлекает ее мысли от тебя, не есть ни холодность, ни измена, но простая, всем естественная, рассеянность, простое желание всем пользоваться. Неужели всякую минуту можно занимать кого-нибудь собою? Итак, должно один раз навсегда увериться, что любим искренно и перед всем предпочтительно, и быть спокойным. Удерживать жену принуждением, когда не мог привязать ее к себе любовью, почитаю безумством. Доверенность, совершенная доверенность и уважение к своему другу, вот главные подпоры супружеских связей: излишние требования их ослабляют, потому что делают их тягостными, они производят притворство или по крайней мере принуждение. Ревнивый любит только для себя; он хочет всякую минуту занимать собою, всякую минуту быть присутственным, что не натурально и не может не быть тягостным, если сделается принужденным. Ревность причиняет то, чего боится. Как же отучить себя от ревности? Я разумею здесь неосновательную ревность. Та, которая имеет причину и оправдывается поступками любимого человека, есть натуральное следствие любви и неотвратима. Я говорю о той, которая происходит от беспокойного, подозрительного характера, который всё увеличивает или представляет в черном виде. Думаю не иным чем отучить, как размышлением, как искоренением самым скорым всякого беспокойного чувства при его рождении, как беспрестанным уверением себя в любви милого человека, не способного быть вероломным, как беспрестанным желанием и старанием сделаться еще любезнее, доверенностию и откровенностию. Упреки и укоризны отдаляют; присмотр и подозрение тягостны; требования возбуждают принужденность; беспокойство и мнительность бесполезны, когда нет зла, и конечно не отвратят его, когда оно должно быть. Люби, чтобы быть любимым, и будь совершенно спокоен, ибо ничто не отвратит несчастья, когда любовь его отвратить не в состоянии. Итак, самое лучшее средство против женской неверности есть любовь и желание нравиться. А лекарство

от ревности есть уверение, что она совершенно бесполезна и только что мучительна. Надобно быть только уверенным, что всё сделал для приобретения любви.

§ 9. *Июля 10-го.* То, что я себе предназначаю в жизни, кажется, может назваться благоразумным. Спокойную, но деятельную жизнь человека, упражняющегося в науках. Польза, какую бы я мог принести службою, не может сравниться с тою пользою, какую принесу, если буду деятелен своими трудами по той части, которая ко мне ближе. Одна часть моего времени должна быть посвящена собственному моему образованию, то есть образованию моего ума, характера, без чего не буду совершенно счастлив ни один, ни в своем семействе. Вдруг это сделаться не может, но исподволь, постепенно, как уверяет Плутарх⁹: буду замечать за собою, это самое замечание будет некоторым образом исправления, потому что сделает внимательным к самому себе и следственно осторожным. Одним из лучших следствий моего вояжа должно быть преобразование моего характера: я буду совершенно свободен, следовательно, буду иметь больше возможности обращать на себя внимание. Не должно только отвращаться трудностию, и хотя мало, но всё продвигаться вперед. Итак, цель моей жизни должна быть деятельность, но такая деятельность, которая мне возможна: деятельность в литературе, или возможное извлечение пользы из авторских моих талантов; деятельность в образовании моего характера; деятельность в поддержании моего состояния; деятельность в составлении счастья моего семейства, если его иметь буду, и в исполнении общественных условий.

§ 10. На сих днях говорили за столом о каком-то человеке, который живет прекрасно. Что ж называют прекрасною жизнью? То, что об нем все говорят, что со всех сторон к нему собираются, что все любопытствуют видеть, как он живет, и прочее! Этого довольно, чтобы увериться, что он живет не прекрасно или, справедливее, несчастливо. Требуется ли счастье свидетелей? Оно в сердце, в тихом, спокойном наслаждении самого себя, происходящем от порядка в делах, от невинности души, от занятий приятных и постоянных, от способности быть с самим собою или со своими любезнейшими, что всё равно. На что же тут свидетели, которым всё это незнакомо или которых большей части незнакомо? Сверх того толпа, собирающаяся к человеку с любопытным желанием видеть, как он живет, есть без сомнения толпа любопытных, которых скука или бездействие гоняет из места в место, которые не знают, как убить свое время, и похищают его у других, по большей части столь же рассеянных и не занятых. Как могут они судить о счастье и можно ли им верить? Человек, истинно счастливый, так незаметен, что его не увидит глаз любопытного, но праздного человека, не знающего цены тихого, сердечного, единственного счастья. Побегит ли толпа удивляться счастью не блестящему, счастью, которое зависит не от наружности, но от причин постоянных и невидимых, от спокойствия, устройства семейственного, от мирной души? Всё это не возбуждает любопытства! Один, два друга могут разделить и видеть это счастье, и сего

довольно: многочисленная толпа его уничтожит, потому что нельзя делить его со множеством, не изменив и не унизив.

§ 11. Читая всякую книгу, надобно обращать внимание на себя, всё применять к себе. Говорить: способен ли я к такой добродетели? имею ли такой порок? как приобрести первую? как уничтожить последний? Всякое чтение должно иметь целию образование нашего характера, иногда одно удовольствие. Но удовольствие разве не есть польза? Я говорю: благородное удовольствие.

§ 12. Всякой моралист предлагает читателю в самом совершенном виде то, что служит основанием собственных его поступков. Он открывает свою тайну, говорит: так я поступал и был счастлив; последуй мне. Всякой моралист *на словах* есть лжец, лицемер, самолюбивый остроумец, желающий прельщать своею маскою. Будь добрым, научись или по крайней мере желай тому следовать, что хочешь предложить в пример обществу, и бери перо в руки без зазрения совести. Надобно быть добродетельным или желать быть, чтобы учить добродетели с успехом.

§ 13. Что такое зависть? Несправедливость, самолюбие, которое не терпит в других того, чего в себе не находит, низость, желающая всё унизить, чтобы сравнить с собою. Какое от нее лекарство? Уверение, что всё прекрасное, даже в самых наших неприятелях, должно быть прекрасно для души благородной; что горестно не радоваться тем, что всех радует; что скорее приблизишься к тому совершенству, которое тебя печаливает, признав его и почувствовав, а не унизив и, следовательно, не обезобразив в глазах своих. Всякое неприятное чувство зависти должно искоренять в ту самую минуту, когда оно рождается, заглушив его, так сказать, мыслию о совершенстве и прелести того, чему завидуешь, и забвением своего собственного несовершенства, которое надлежит с ним сравнивать в уверении, что к нему возвысишься, в твердой решимости на это: словом, зависть должно преобразовать в поревнование или, если поревнование не может иметь места, в искреннее приятное удивление. Время всё сделает!

§ 14. Как определить характер К...?¹⁰ Я его не знаю и не мог знать. Будучи с ним знаком до его женитьбы, я не старался узнавать его, верил слухам о его свойствах, которые все благоприятны и не опровержены никаким противоречием; однако я не поверял сих слухов своим собственным наблюдением, следствие лени моего ума, который не приучен к действию, хотя всегда чувствовал, будучи с ним вместе, некоторую скуку и принужденность. Следовательно, я никогда не был с ним другом, ниже коротким приятелем, и это также есть следствие моей лени, которая препятствовала мне входить в разбор его свойств, а заставляла полагаться, без разыскания, на мнение об нем света. Нельзя быть другом всякого, впрочем достойного, человека. Дружба есть следствие особенной склонности душевной, сходства, если не во всех чувствах, то по крайней мере в образе чувствовать. Я не уверял его в своей *сердечной* дружбе; говорил однако ж, что его люблю; это и правда, но только отчасти, то есть я люблю его так, как

можно любить человека, прямо честного, благородного, не способного ни к какой низости, но также не способного и к дружбе, или по крайней мере к дружбе со мною. Его несходство со мною, наша с ним принужденность, неоткровенность (в которых мы явно ни друг другу, ниже самим себе, — по крайней мере я, — не признавались), одним словом, это не знаю что, неизъяснимое, но очень важное в дружбе, тому препятствуют. Итак, отказываюсь от его дружбы. Рассмотрим, каков он сам в отношении к другим, к своей жене, потом положим постоянное правило, по которому должно с ним обходиться, чего искать в его знакомстве, каков он теперь со мною, и прочее. Об этом после.

§ 15. *Июля 16.* Можно сомневаться в истине религии: этому многие подвержены; я в ней не утвержден, потому что не знаю или, лучше сказать, не чувствовал: то, что я об ней слышал, чему меня учили ребенком, не есть религия, но пустые слова без смысла и без действия. Религия требует сердца. *J'ai pleuré et j'ai su*, — говорит Шатобриан¹¹, и иначе нельзя поверить, как в слезах, в восторге. Ум не тверд, переменчив в своих решениях: что он положит *нынче*, то переменит *завтра*, потому что он ограничен, что ошибаться есть его натура. Кто любит своего друга, кто его *чувствует*, тот в нем уверен не размышлением, а чувством, которое дальновиднее и постояннее размышления, потому что впечатления его сильны, неизгладимы: я не много люблю того человека, которого добродетель должен доказать себе размышлением; он не первый друг моего сердца, не брат мой, не первый любимец моей души. Такова вера. В ней твое счастье, подпора. Можно ли поручить ее непостоянству рассудка, который так холоден и медлителен? Почувствуй ее необходимость, ее спокойство, ее великость, ее счастье, и поверишь, несмотря на недоумения рассудка. Я еще не имею и не мог иметь сей веры. Она есть следствие долгого рассматривания природы и самого себя и уверение в ничтожности твари, в милосердии Творца: я еще не старался приобрести сего уверения и по сию пору был на другой дороге. Что будет, я не знаю; но должно стараться сделать себя счастливым: это есть закон природы. А вера есть вернейшее средство его исполнить. Кто бранит религию или обнаруживает к ней свое неуважение в присутствии людей, ее почитающих, делает то же, что человек, который в присутствии сына бранит его мать.

§ 16. *Июля 16.* Нынче я был у барона¹². Что об нем надобно думать, это напишу после: мои мысли еще не готовы; надобно сделать больше замечаний по частям, потом сделать какое-нибудь общее заключение. С ним приятно быть, потому что он не оставляет ума в бездействии, будучи сам очень умным человеком. Я не имел еще никогда с ним этой сердечной, сладкой искренности, *épanchement du cœur**, но я с ним довольно свободен, довольно жив, потому что нахожу приятность говорить с ним, и говорю о таких предметах, которые заставляют меня больше думать, приводить мысли мои

* Излияние сердца (*фр.*).

в некоторое напряжение. Мне кажется только (может быть, я ошибаюсь, и желаю, чтобы ошибался), что во всем том, что он говорит, например, о добродетели, о религии, о морали, заключается больше ума, нежели чувства; он доказывает умом, складными словами; но, слушая его, остаешься спокойным, не тронутым в сердце, хотя занятым в уме, ибо все его *мнения* или справедливы или показывают ум; но они только мнения, доказательства, не чувства; одним словом, в его разговорах нет чего-то привлекательного: он оратор, который хорошие мысли предлагает в складных, гармонических фразах. Мы говорили о религии, о Шатобриане, которого он называет *великим* (я еще не читал "*Génie du christianisme*")¹³. Дело дошло до метафизики. Он цитовал какого-то мистического автора, который в нашей душе полагает две разные стороны: одну *чувственную*, только принимающую впечатления чувств и им исключительно подверженную; другую *умственную*, рассуждающую, противящуюся усилиям души чувственной, а иногда (или очень часто) ей уступающую. Я напротив думаю, что душа есть то средоточие, к которому скопляются все впечатления, через телесные чувства получаемые; что она об них судит, по ним действует, по ним так или иначе заключает. Это не значит, чтобы сама душа была материальная; это показывает только то, что она соединена тесно с нашим телом, которого все впечатления до нее доходят и служат, так сказать, материалами ее умственных зданий. Размышление есть следствие ощущения: без него оно быть не может так же точно, как строение без материалов. Но это еще не значит, чтобы способность размышлять была результатом чувственных впечатлений; они только приводят ее в действие; без них она бездейственна. Способность мыслить есть дар природы, есть душа, не телесная, бессмертная; ум есть сия способность, образованная, приведенная в совершенство теми многократными действиями, которые в ней были производимы впечатлениями чувства. Душа во всяком человеке должна быть одна, потому что она есть существо бестелесное, проистекающее от одного источника, от Бога, но ее образование (происходящее от различия организации тела, в соразмерности с которым она получает и различные впечатления, даже одни и те же впечатления различно с другими душами) не одинаково. Итак, причины разнообразности умов должно искать в разнообразности телесного строения, и главная должность человека есть управлять посредством ума чувственными впечатлениями или даже преобразовать их, и прочее и прочее. — У нас теперь Марья Ивановна Протасова. Как приятно ее слушать; нет ничего особенного в ее разговоре, но ум всё украшает. Б-а, которая у нас была¹⁴, казалась не на своем месте, связанною. Надобно уметь владеть собою, привыкнуть к этому, привыкнуть побеждать всякое чувство зависти в ту же минуту, в которую оно родится, чтобы не быть несчастным в присутствии тех людей, которые нас выше, т. е. выше умом, достоинствами. М. И. была ей в тягость. Она тотчас уехала. Несмотря на то, женщина, кажется, почтенная, хотя не особенная. Говорили у барона за столом о смирении, то есть о таком качестве человека, которое не допускает его величаться своими достоинствами, а только относит их к Богу. Взглянув на картины,

висевшие на стене, на которых написан дом одного дяди баронова, знатного человека¹⁵, я сказал, что барон не забывает старых друзей своих: эти картины видели в другом его доме, маленьком, тесном. Это слово заставило барона сказать несколько фраз в похвалу своего смирения; он, может быть, вообразил, что я припишу его чванству это выставление картин, изображающих большие дома большого господина и его дяди. Он сказал, что не сам желал иметь их на стене своей, что получил, кажется, от тещи, что сохраняет из уважения к ней, и прочее и прочее. Всему этому верю; но для чего это говорить, для чего бояться, чтобы меня не почли человеком тщеславным и суетным, когда я в самом деле ни тщеславен, ни суетен? Это опасение неприлично христианину, показывает одно самолюбие, беспокойное и робкое. Что нужно христианину до мнения, особливо до мнения молодого человека? Как много неосновательности в самых умных людях.

§ 17. *Июля 17.* Я смотрел на небо с каким-то особенным чувством: воображал бессмертие! Как тот счастлив, кто всегда имеет перед собою сию великую идею, кто нашел ее душою, в ком она запечатлелась неизгладимо! Сия уверенность в тленности земных вещей не есть ли тайное, врожденное в человеке доказательство бессмертия? Кто жалеет о мертвом, жалеет об одном себе: если бы он воображал своего потерянного друга жертвою ничтожности, он бы ужаснулся, и порадовался внутренне тому, что он еще жив и чувствует. Но мы говорим о тех, кого мы лишили: *я его не увижу!* Не есть ли это в отношении к себе, а не к нему? Кто может быть несчастлив, веря бессмертию? Что он теряет в жизни, которая сама ничто, которой потерю должно радоваться, потому что она приближает нас к нашей великой цели! Какая судьба! Бессмертие, вечное, радостное бытие, которого подобие находим здесь в духовных наслаждениях! Что ж нас сделает способными наслаждаться бессмертием, как не сия привычка, здесь, в этой жизни, к мыслям, к чувствам благородным: они образуют душу, возвышают ее и предают бессмертию в новом, прелестном виде. Ах, если бы это чувство укоренилось в душе моей! Как бы все несчастья были передо мною слабы! Может ли быть то ложно, что так возвышает душу, и может ли та душа быть не бессмертна, которая так может возвышаться! Я начинаю больше мыслить, следственно делаюсь способнее к своему усовершенствованию, способнее быть счастливым и здесь, и там. *Там* — какое слово, что под ним заключается! У меня на глазах слезы от сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство — всё *там*! О, великое Существо, великое Существо, назначившее человека быть бессмертным!

§ 18. *Июля 17.* Быть счастливым есть мыслить. В мыслях заключаются все наши наслаждения. Они возвышают, украшают душу. Сколько путешествие будет иметь на меня влияние! Как мысли мои разовьются и распространятся!

§ 19. *Июля 21.* Читаю теперь Гарве: «*О уединении и обществе*»¹⁶. Простой, ясный и приятный слог; порядок в предложении мыслей; справедливость мыслей, основанных на опыте. Виден человек, который в спокойном

состоянии души, перед концом жизни, говорит о том, что заметил во всё время ее продолжения, говорит просто, без пристрастия. Гарве может назваться настоящим практическим философом, то есть таким, которого философия может быть легко применена к человеческой жизни, потому что она основана на опыте, не есть умозрительная, произведенная одним умом, но есть следствие многих замечаний и многих опытов. — Уединение и общество могут действовать на образование ума, характера, наружности; бывают многих родов; имеют влияние, большее или меньшее, на счастье человека: вот содержание книги, которую теперь читаю. — О действии общества на образование ума. Ум образуется приобретением познаний и деятельностью. Предмет познаний (главнейший) есть человек; познавая других, мы познаем самих себя больше или меньше. Наше внимание скорее обращается на людей, нежели на нас самих. Мы, сравнивая их достоинства и недостатки с своими достоинствами и недостатками, обнаруживаем их и объясняем. Мы должны выйти из самих себя, чтобы потом к себе возвратиться и себя яснее увидеть. Разнообразие характеров возбуждает наше внимание; рассматривая каждый особенно, мы находим во всех что-нибудь общее и в каждом что-нибудь ему принадлежащее; эта привычка рассматривать, наблюдать и помещать каждый характер в особенный класс, к которому он больше принадлежит, делает нас способными скорее и справедливее заключать о других людях. В уединении или в тесном кругу общественного обращения, не имея перед глазами такого разнообразия, не видя примеров ни отменной добродетели, ни отменной испорченности, мы чувствуем какое-то однообразие, приобретаем какую-то лень духа, пустоту, не деятельность и даже не обращаем внимания на те немногие характеры, которые перед нами и которые кажутся нам знакомыми, потому что всегда были нам видимы: напротив, множество отменных характеров приводит ум наш в движение, и сия самая деятельность облегчает наше наблюдение за человеческою натурою. Человек есть учитель человека; первые познания получаем мы изустно, и конечно изустное наставление может похвалиться самым действительнейшим. Что говорят, понимаешь лучше, нежели то, что написано: в первом случае голос, движения руки, лица, всего тела передают ясное понятие о предмете; когда же читаешь, видишь перед собою одни мертвые буквы, знаки мыслей. Конечно, понятия, получаемые в разговоре, не так полны и подробны, как понятия, получаемые из книг, но зато они осязательнее, живее, короче: первые требуют большого напряжения ума, последние как будто сами на душе напечатлеваются. Из книг нельзя узнать людей так ясно и подробно, как из обращения с ними. Особенность характера, образа мыслей человека производит особенность в его разговоре и обращении; замечая изменения лица его, движения его тела, жесты и прочее, получишь яснейшее о нем понятие; всё это должно исчезнуть в книге; для многих оттенков, почти незаметных, нет слов и выражений. Читанное не так живо напечатлевается в рассудке, как виденное и испытанное. В обществе встречаются люди, великие умом и характером; видя их, обращаясь с ними,

привыкаешь к чувствам высоким и благородным: удивляясь добродетели, желаешь быть сам добродетельным. Видя перед собою прекрасные примеры, хочешь им следовать, наблюдаешь за теми, кто их подает, узнаешь средства, которые они употребляют, сравниваешь себя с ними, узнаешь по сравнению, решаешься возвыситься, наконец, сам возвышаешься. Будучи принужден говорить перед людьми умными, красноречивыми, приучаешься выбирать свои выражения, предлагаешь свои мысли яснее, приятнее и больше их обдумываешь. Сия осторожность приводит ум в большее напряжение, а сие частое, почти беспрестанное напряжение сообщает ему большую деятельность и наконец его расширяет. В обществе приобретаешь многие познания. В обществе людей знатных, генералов, министров и всех приближенных к делам государственным получаешь вернейшее понятие о происшествиях, о политике настоящего времени: многие подробности, которых нет ни в каких книгах, сообщаются изустным преданием; в обществе частных людей узнаешь семейственные обстоятельства многих домов, их раздоры, причины их счастья, несчастья, их связи и прочее. Всё сие дает понятие вообще о людях. Общество дополняет многие познания, которые мы получаем в тишине кабинета. Иногда одно выражение оригинальное, остроумное светского человека решает наше сомнение в том или другом предмете. — Что такое общественная жизнь и что уединенная? Общественная жизнь умного человека есть деятельное сообщение со многими людьми разного ума, характера, состояния, звания. Много родов: семейство и друзья; большой свет и прочее. В первом мы существуем в тесной связи с его членами, бываем беспрестанно. В другом мы только играем известную роль, бываем временно. В первом ищем счастья, во втором удовольствия. В первом мы являемся в настоящем, натуральном своем виде; во втором соображаемся с тою наружностью, с которой другие соображаются. Умный человек пользуется обществом, находит в нем удовольствие потому, что может в нем действовать умом, замечать людей, собирать сии замечания, которые наконец составляют опытность. (Я говорю о таком обществе, в котором имеешь связь с членами, его составляющими: толпа, люди всякого звания, есть не иное что, как китайские тени.) Желание быть умным и заметным в обществе побуждает к образованию ума, научает выражать хорошо свои мысли и даже лучше мыслить. Одним словом, общество есть театр, на котором наши способности умственные и душевные действуют. Уединение есть занятие самим собою, обдумывание того, что видел в обществе, изучение натуры, занятие какою-нибудь наукою.

§ 20. Теперь всё буду говорить с вами, *ma chère maman*¹⁷; до этого места мой журнал был писан для меня одного, теперь буду писать его для себя и для вас. Надеюсь, что мысль иметь вас своим свидетелем не уменьшит моей искренности; я буду говорить о себе с такою же откровенностью, с какою бы говорил самому себе, и может быть еще с большею. В первом случае я мог бы сказать или написать неправду *не нарочно*; теперь буду осторожнее, буду чаще у себя спрашивать, точно ли это так, как ты рассказываешь, не представляешь ли в лучшем виде того, что в самом деле хуже;

не обманываешься ли; не хочешь ли казаться лучшим перед тем человеком, который должен тебя видеть таким точно, каков ты есть? — Всё это будете вы читать только тогда, когда меня не будет с вами; если найдете в моем журнале что-нибудь дурное обо мне, то подумайте, что всё это прошедшее, что я сам это видел, что хочу это искоренить (если только можно). Подумайте, что я не желаю себя обманывать и казаться самому себе хорошим; что я не имею или не имел по сие время такого человека, который бы взял на себя труд разобрать меня и сказать мне: это в тебе хорошо, усовершенствуй, это дурно, исправь. Несчастье, которому причины надобно искать в моих обстоятельствах. Вы одни можете сказать, что любили меня прямо; но вы не могли принести мне той пользы, которую принести способны. Что этому причина, не знаю, но уверен, что не вы сами, а множество таких не приметных обстоятельств, которых почти нельзя определить словами, но которые есть, потому что их действие очевидно. В этом журнале я буду стараться рассмотреть всё, что имело в прошедшем какое-нибудь влияние на образование моего морального характера, и те средства, которыми можно его усовершенствовать и исправить. Очень приятно говорить с вами; очень приятно уверять себя в любви человека, прямой, искренней, зная, что он оправдывает меня, когда я хорошо делаю, извиняет, когда дурно делаю, потому что ему известнее все мои свойства и причины моих поступков. Люди умеют только осуждать *по нафужности* то, что другие делают, но для этого как много надобно знать таких вещей, которые имеют непобедимое влияние на их поступки, но которых знать невозможно! Тот же человек в других обстоятельствах был бы другим. Что ж, если он был оставлен с одними *своими* силами на произвол судьбы и обстоятельств; если он посреди людей, привязанных к нему одною *привычкою*, а не любовью, был один, зависел от одного себя, должен был сам себя образовать, не зная как и даже долго не думая об этом, следовательно, потеряв самое лучшее время? Но об этом я не один раз с вами говорить буду. Этот человек — я! Что будет со мною вперед, не знаю и знать этого не могу. Но должно себя приготовить ко всему. Главное дело человека: приобрести способность быть счастливым.

§ 20. *Августа 24.* Что мне вам сказать? Желал бы всё так точно сказать, как чувствую, но думаю, что уметь не буду. Я ушел от вас с грустию и, признаюсь, с досадою. Тяжело и несносно смотреть на то, что Машенька¹⁸ беспрестанно плачет; и от кого же? От вас, своей матери! Вы ее любите, в этом я не сомневаюсь. Но я не понимаю любви вашей, которая мучит и терзает. Обыкновенно брань за безделицу, потому что Машеньку, с ее милым ангельским нравом, нельзя бранить за что-нибудь важное. Но какая ж брань? Самая тяжелая и чувствительная! Вы хотите ее отучить от слез; сперва отучитесь от брани, сперва приучите себя говорить с нею, как с другом. Мне кажется, ничто не может быть жесточае, как бить человека и велеть ему не чувствовать боли. Ваша брань тем чувствительнее, что она заключается не в грубых, бранных словах, а в тоне голоса, в выражении, в мине; ребенка надобно уверить, что он сделал дурно, заставить его пожелать исправить

дурное, а не огорчать бранью, которая только что портит характер, потому что его раздражает, а будучи частою, и действует на здоровье. Можно ли говорить Машеньке: *ты не хочешь сделать мне удовольствия, ты только дразнишь меня*, тогда, когда она написала криво строку, и тогда, когда вы уверены, что для нее нет ничего святее вашего удовольствия? Что вы делаете в этом случае? Возбуждаете в ребенке ропот против несправедливости и лишаете его надежды угодить вам, следовательно, делаете робким, а ничто так не убивает характера, как робость, которая отнимает у него свободу усовершенствоваться и образоваться, потому что не дает ему действовать или обнаруживаться. Об этом буду говорить еще; напишу к вам особенно. Я не умею говорить языком о том, что чувствую сильно. Вы опытом это извели. Прочту несколько книг о воспитании; сравню то, что в них предписано, с тем, что вы делали, воспитывая детей, и предложу вам свое мнение о том, что осталось делать.

§ 21. *Августа 26.* С двадцать шестого августа по десятое ноября я не принимался за свой журнал, почти ни о чем не думал, переводил несколько времени, а всё прочее время прошло не знаю как; мне кажется, в совершенном бездействии; иногда мне было весело, иногда скучно. Главная причина, от которой я душевно надолго расстраивался, заключается в *неудаче* моих работ, которые не могут быть отменно приятны, потому что принужденные. Теперь я в очень дурном расположении; голова тяжела; в уме такая пустота и недейтельность; прошедшее мне кажется очень дурным, а настоящее скучным; от будущего не ожидаю ничего; все мои планы исчезли; даже нет во мне желания делаться лучше, образовать и ум, и характер. Одиночество, совершенный недостаток в приятных связях, отдаление тех людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять в искании всего хорошего, совершенное бессилие души, ненадежность на самого себя — вот что меня теперь мучит. Я один; в самом себе не нахожу довольно прибежища; чувствую, что один мало могу для себя сделать; мне недостает ободрения. Все мои теперешние работы кажутся мне цепью, которою я к одному месту прикован. Один не могу ни о чем думать, потому что не имею никакой материи для мыслей; переводы не всякой день идут удачно, от этого и расстройство моя делается большею, и всё другое становится также неудачным. К тому же не умею мыслить в связи, это для меня утомительно, и в теперешнем моем расположении не чувствую даже и нужды мыслить: такие минуты очень похожи на ничтожество и еще хуже ничтожества, потому что чувствуешь неприятное. Самое добро, самое желание быть добрым не имеет в эту минуту ничего для меня привлекательного. Сам с собою я недоволен и скучен, потому что не могу ни о чем порядочно думать и не имею еще этой привычки; с теми, кто вокруг меня, я не связан (что этому причиною, не знаю, но должен узнать), следовательно, не приятно занят; самое общество матушки, по несчастию, не может меня делать счастливым: я не таков с нею, каков должен быть сын с матерью; это самое меня мучит, и мне кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я не был счастлив в моей жизни, кажется, и не буду счастлив. Надобно

приобрести способность быть счастливым, а я едва ли не пропустил время. Как прошла моя молодость? Я был в совершенном бездействии. Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видал родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особенного участия и потому что всякое участие ко мне казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви; следовательно, не мог платить любовью за любовь, не мог быть благодарным по чувству, а был только благодарным по должности: мне сказывали, что надобно быть благодарным, и я верил или, лучше сказать, повторял самому себе чужие слова. Это сделало меня холодным. Человек, который, будучи с людьми, был однако ж один, будет холоднее того человека, который совсем был бы оставлен, потому что последний будет чувствовать нужду в любви и будет искать ее, а первый, будучи на свой счет обеспечен и спокоен и долго не имея нужды ни в чем, кроме еды, жилища и одежды, останется нечувствительным в душе своей, которая не научилась ни к кому привязываться и которая теряет чувствительность, если не приводит ее часто в движение. Ум его также останется в неразвитии, потому что чувства заставляют действовать ум, а если чувства не действуют, то и ум спит. Кто отделен от людей, тот не имеет предмета для размышления, потому что одни только наши отношения к людям служат началом наших умствований; потом уже он обращается на другие предметы. Характер его делается робким, нерешительным, медленным, ленивым, потому что и характер образуется деятельностью. Каков я теперь, от чего таков; каковы мои связи и что я должен быть в отношении к ним; какую цель себе предназначить сообразно с моими обстоятельствами? Чего искать в свете и от чего отказаться? В чем может быть мое счастье? Вот вопросы, которые мне должно решить. — Я так не привык к тому, чтобы меня любили, что всякой знак любви кого-нибудь ко мне кажется мне странным и чем-то необыкновенным, — следствие непривычки видеть чью-либо ко мне привязанность и отвечать на нее. Одна любовь, одна привычка отвечать на любовь любовью делает сердце нежным и способным любить, следовательно, быть счастливым. Для чего я не имел такого человека, который бы дорожил моим счастьем, который бы был моим хранителем и путеводцем! Я бы любил его, как своего Бога! Но я был один, всегда один! Я не испорчен, но я нимало не образован. Найду ли кого-нибудь для себя на свете? Человек, который не имеет перед собой человека, к нему привязанного, не может долго иметь и желания быть добрым. Прежде нежели научишься желать совершенства, как неперменной цели всякого человека, должен научиться желать быть добрым в глазах того, кому ты дорог: всё хорошее основано на чувстве; один ум может увериться в его прелести, но он им не прельстится, а будет ему следовать по одному только расчету, ибо увидит, что зло всегда хуже и невыгоднее добра.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1804—1833 ГОДОВ

1804	9	449
А. и Б.	9	
1805—1806	13	
Журнал	13	
1805	13	451
1806	28	454
§ 28. Замечания на прошедший год журнала с § 1 по § 27	29	
О том, что написать в журнал	32	
Прошедшая жизнь	32	
Будущая жизнь	33	
1807—1808	38	462
Записная книжка «Разные замечания. 1807»	38	
1808—1809	53	465
О таинственности	53	
1810	55	466
1813	57	466
1814	62	467
1. План	62	468
Прибавление	65	
〈Письма-дневники〉	68	
1815	95	475
1816	122	483
1817	123	484
1818	129	487
1819	130	488
〈Из альбома гр. С. А. Самойловой〉	132	492
1820	140	493
1821	154	502
Путешествие от Берлина до Дрездена	169	510
Дрезден. Плауен. Тарант	171	
Путешествие по Саксонской Швейцарии	174	513
Рафаэлева Мадонна	188	516

Швейцария	191	517
1822	236	527
1825	239	528
1826	246	530
1827	253	535
«Парижский дневник»	258	537
Записка о Н. И. Тургеневе	274	562
1828	299	570
Дух времени	306	
1829	308	571
1830	312	574
1831	315	576
1832	319	578
1833	343	587
Путешествие в Италию	356	593

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Дневники В. А. Жуковского как литературный памятник	397
О. Б. Лебедева. Принципы романтического жизнетворчества в дневниках В. А. Жуковского	420
Примечания	443
Список принятых сокращений	602